

Своё призвание — писать, посвятить себя «во взрослой жизни» литературному труду — я почувствовал очень рано, ещё в школьные годы. Однако реализовать это своё призвание в действительной жизни оказалось значительно сложнее, чем просто с затаённым восторгом его в себе чувствовать.

Конечно, и стихи я начал писать рано — классе в седьмом. И они неплохо у меня получались для столь юного возраста.

Посещал я и кружок поэзии во Дворце пионеров... Но всё это было так себе по большому счёту — детские увлечения и игры.

А когда я наконец осознал в семнадцать-восемнадцать лет, что настоящие стихи должны не сводиться к красивому рифмоплётству, а иметь своё лицо... что у поэта должен быть свой поэтический голос и свой авторский почерк в творчестве... Создать такую поэзию у меня решительно не получалось.

То выходило «под Блока», то «под Есенина», то «под Маяковского»... а что-то действительно своё — интонация, образная система, ритмический строй — так и не находилось, сколько я над этим ни «корпел».

И пришлось про стихи на какое-то время забыть. И это оказалось на самом деле самое лучшее, что я мог тогда придумать, — перестать давить на себя самого, перестать мучить себя бесплодными попытками настоящего творчества...

Поэзия должна рождаться сама собой — как Венера из пены морской.

Так со мной и случилось года через два или три. Я даже помню до сих пор эти первые свои удачные стихи.

К тому времени я уже писал и статьи, и очерки — в частности, о первых русских славянофилах, Алексее Хомякове, Иване Киреевском, братьях Константине и Иване Аксаковых... Они выходили интересными. Тема была выигрышной, почти незнакомой тогдашнему советскому литературоведению.

А тут ещё и стихи — возможность творчества на «ниве поэзии».

И я, конечно, в созидание стихов погрузился с увлечением.

Близилось окончание университета.

И стихов, и уже опубликованных в научных изданиях статей накопилось немало. И я решил дерзнуть — показать своё творчество уважаемым людям в мире культуры, настоящим знатокам и ценителям большой русской литературы.

И написал два письма: одно письмо — академику Дмитрию Сергеевичу Лихачёву, и другое письмо — Лидии Яковлевне Гинзбург, перед личностью и творчеством которой я тоже преклонялся.

Лидия Яковлевна Гинзбург всё-таки менее известна ныне, чем Дмитрий Сергеевич Лихачёв. Поэтому напомним: близкая знакомая Ахматовой, Шкловского, Эйхенбаума, яркая представительница ленинградской литературной молодёжи 1920-х годов, генетически связанной ещё со старой, дореволюционной петербургской культурой; впоследствии — яркий исследователь классики нашей литературы, автор многих замечательных книг, в том числе и книг очерков и воспоминаний.

И в обоих случаях я получил отклики на своих письма от уважаемых адресатов и приглашение явиться к ним для обстоятельной беседы в домашней обстановке.

Сначала я отправился на квартиру к Дмитрию Сергеевичу Лихачёву. Он жил в моём же районе Ленинграда, на 2-м Муринском проспекте.

Довелось просто прогуляться до дома Дмитрия Сергеевича пешком.

Конечно, яркие впечатления остались от этой встречи. Уже тогда, в 1970-е годы, Дмитрий Сергеевич был знаменит... И я вполне отдавал себе отчёт в том, кто меня принимает — один из светочей нашей культуры в полном смысле этого слова.

Дмитрий Сергеевич меня расхвалил. Его отзывы меня окрылили, безусловно. Он прямо сказал, что, по его мнению, я «человек необыкновенный», что у меня «большой литературный талант» и «большое будущее в литературе».

Собственно, я мог бы тут и возгордиться.

И я даже попытался было возгордиться, но тут же понял, что у меня это плохо и необоснованно всё-таки выходит —

оставалась неопределённость: ну есть литературный талант, даже большой, допустим, талант... А в чём именно он заключается, и как именно его реализовать? Ни мои стихи, ни мои тогдашние статьи шедеврами ещё отнюдь не являлись...

И вот в таком и гордом, и озадаченном одновременно состоянии я отправился к Лидии Яковлевне Гинзбург.

Лидия Яковлевна тоже жила совсем недалеко — на том же зелёном, заросшем огромными старыми деревьями разных пород 2-м Муринском проспекте, в совершенно заставленной книгами однокомнатной квартире.

Она тогда уже была совсем старушкой — сухонькой, небольшого роста интеллигентной старушкой.

И вот её отзыв сыграл в моём будущем поэтическом творчестве огромную роль.

Статьи мои о славянофилах Лидия Яковлевна очень похвалила: действительно, была раскрыта в этих статьях новая и смелая по тому времени тема (в советскую эпоху изучение творчества помещиков-славянофилов, рьяных сторонников Православия и приверженцев особого пути развития России, совсем не поощрялось), статьи были написаны живо и ярко, в них были интересные наблюдения и мысли. Это Лидия Яковлевна и отметила.

А вот о стихах она отозвалась так: «Знаете, Серёжа, я столько стихов читала и слышала на своём веку... Самых разных стихов, в том числе очень хороших и просто замечательных стихов. Может, у меня уже к старости притупилось восприятие поэзии — перечитала стихи сверх меры и переслушала сверх всякой меры стихи за свою жизнь... Но знаете — у вас, безусловно, очень хорошие стихи. И я таких очень хороших стихов тоже уже наслушалась в своей жизни. А вот чего-то ошеломляющего, нового, необычного... что бы встрепенуться душу заставило... Этого я в ваших стихах не увидела. Просто обычные очень хорошие стихи. И всё. Может, стара уже я стала совсем? Извините, Сережа».

И я сразу понял, признаюсь, что Лидия Яковлевна — совершенно права! С сожалением осознал я это, но очень отчётливо: действительно, я писал тогда просто очень хорошие стихи, такие, каких много бывает на свете.

Это не Поэзия с большой буквы.

Заниматься просто каким-то сочинительством, более или менее удачным, мне не хотелось. И поэзию я надолго забросил... Почти на десять лет.

Погрузился в историю русской общественной мысли и литературы, защитил как историк кандидатскую диссертацию о первых русских славянофилах в 1982 году. А со следующего года стал работать научным сотрудником Пушкинского Дома (Института русской литературы) Российской академии наук, написал свою первую книгу — о любимом своём тогда поэте и литературном критике Аполлоне Григорьеве.

О поэзии же вроде бы забыл. Но забыл с сожалением — я же всё-таки чувствовал в себе с детства какую-то поэтическую энергию, энергию и слова, и чувства, энергию образного видения мира... Почему же я её не могу ярко и по-своему выразить в поэзии?

И однажды на отдыхе в Литве задумался о верлибре: вот почему в нашей поэзии он так в целом и не утвердился, а в современной англоязычной и вообще европейской поэзии давно преобладает?.. Да и японская поэзия легко обходится без рифмы.

И я попробовал сделать несколько пейзажных зарисовок — без рифмы. Показалось — удачно вышло, интересно. И как-то это соответствовало обстановке вокруг: летняя Литва, в пределах тогдашнего СССР — почти Запад.

Потом я вроде бы и забыл об этих своих опытах...

Но однажды, уже в Ленинграде, захотелось поиграть вечером с поэтическим словом и одновременно — в лабиринте философских ассоциаций и смыслов...

И просто сами собой родились эти вот строки:

Сегодня утро было особенно нарядным
проходя по комнатам
они теснило тени сомнения
сдувало пыль скорби
и охотно разговаривало со всеми на их языке
окна были широко раскрыты
точнее распахнуты
и за ними
на задумчиво качающихся зелёных ветвях
пели большие жёлтые птицы покоя

узоры памяти переливались на стенах
и поскрипывающий паркет бытия
казался особенно долговечным
лестница сбегала
как скромная белолицая девочка
в густой бормочущий с ветром сад
за которым —
это было отчётливо видно издали —
мускулистый человек
по пояс свешиваясь из окна чёрной башни
придерживал увесистую стрелку времени
на обнажённом циферблате городских часов.

Я сразу почувствовал, что это — необычно и здорово. И ни на кого в русской поэзии не похоже.

Так в поэзии я наконец нашёл себя. Это был 1986 год. И мне тогда было уже почти тридцать лет.

Во всей этой истории важно вот что: чтобы найти себя в настоящей поэзии или прозе и сказать в них действительно новое слово, быть в творчестве самим собой и писать при этом действительно ярко, надо не только иметь талант и определённый уровень литературной культуры и общей культуры и тем более надо не просто владеть художественным словом на должном высоком уровне...

Нужно прежде всего полностью раскрепоститься — ощутить полную внутреннюю свободу... И тогда эта внутренняя свобода — полная и ошеломляющая, головокружительная и рискованная даже — сама собой перельётся в творчество, оплодотворит ваше творчество и сделает его действительно ярким и необычным.

Тогда и скажут знатоки и многие окружающие вас ценители литературы: это новое слово в нашей литературе.

И ваши литературные мечты сбудутся — почти как в сказке. Может быть, даже в одночасье.

Только — если у вас есть талант.

А талант — это не жажда славы и признания. Это ощущение в себе некой энергии образного видения мира. Этой энергии трудно дать определение. Но она, безусловно, сродни божественной энергии или тому, как мы божественную энергию себе представляем и что мы о ней знаем.

Это — энергия демиурга, творящего новые миры. Пусть только в художественном слове.

Может быть, такое определение — и есть самое ёмкое и точное определение настоящего литературного дарования.

Остальное же всё — приложится.

Тут многое зависит, конечно, от страны и от эпохи, когда живёт художник слова. Но он в состоянии найти свой путь — если он художник от Бога — в любую эпоху.

Хотя с временем, в котором художник живёт, ему порой приходится и бороться.

«Художник и его время», «Художник слова и читатель» — это уже другие большие темы. И о них можно будет рассказать в следующих очерках.

Сейчас же я попытался правдиво рассказать о том, как довелось мне «открыть себя» в литературе, и в поэзии в первую очередь.

И это было отнюдь не так просто.